

Л. Н. Корнильева (Сахновская)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ПОЭМЫ «ТАЛАБА-
РАЗРУШИТЕЛЬ» Р. САУТИ

Поэма Р. Саути «Талаба-Разрушитель» увидела свет в 1801 г., хотя замысел создать подобное произведение появился у поэта ещё во времена, когда он был школьником и учился в Вестминстере. В предисловии к «Проклятию Кегамы» Р. Саути указал, что тогда его мечтой было написать несколько эпических поэм, в основе которых будут мифы и религиозные системы различных народов мира [8; 571]. Впоследствии он воплотил эту свою детскую мечту, написав «Талабу-Разрушителя» (1801), «Мэдока» (1805), «Проклятие Кегамы» (1810) и поэму «Родерик, последний из готов» (1814).

Являясь одним из главных и лучших произведений в творчестве Р. Саути, поэма «Талаба-Разрушитель» во все времена вызывала не только восторг, но и множество нареканий со стороны критиков. Сам Р. Саути сетовал по поводу того, что «Талабу» приняли совсем не так благосклонно, как, к примеру, его «Жанну Д'Арк» [8; 225].

Основные тенденции критической рецепции произведения сохранились и в дальнейшем. С начала XX в. и впоследствии текст «Талабы» и отдельные комментарии Р. Саути к нему позволили учёным, среди которых следует особо выделить работы У. Халлера [4], Б. Смита [7], Т. Биштига [11] сделать выводы о наличии у поэта проявлений шовинизма и даже «культурной слепоты» по отношению к Востоку, а также неприятия личности пророка Мухаммеда и ислама в целом, что было продемонстрировано на основе письма Р. Саути к Дж. Мею от 29 июля 1799 г.

Кроме того, принято считать, что восхищение Р. Саути «*Vathek*» У. Бэкфорда (*Beckford's Vathek*) с его, как отмечал сам Р. Саути, уникальными, подлинно научными комментариями ("*Some of the most learned notes that ever appeared in any book whatever*"), стало результатом большого сходства этого произведения Бэкфорда и «Талабы-Разрушителя» Р. Саути [4; 255].

Однако существует и иная точка зрения в данном вопросе, согласно которой фабула «Талабы» напоминает сюжет «Сказки о Муграби-колдуне» (*The History of Mougraby the Magician*) из «Арабских сказок», являющихся продолжением «Сказок тысячи и одной ночи». Показательно в этом отношении и утверждение самого автора, который в предисловии к «Проклятию Кегамы» охарактеризовал «Талабу» как арабскую сказку в чистом виде (*professedly an Arabian Tale*) [8; 571]. В дополнение, в предисловии к четвёртому изданию поэмы «Талаба – Разрушитель» Р. Саути отметил: «В продолжении арабских сказок упомянут Домданиэл – сборище злых колдунов под недрами моря. Из этого зерна и выросла данная необыкновенная история» (*In the continuation of the arabian tales, the domdaniel is mentioned-a seminary for evil magicians, under the roots of the sea. From this seed the present romance has grown*) [8; 228-229].

При этом нельзя не заметить, что многие положения, призванные раскрыть художественное своеобразие «Талабы-Разрушителя», являются весьма дискуссионными и часто просто неприемлемыми.

Так, к примеру, авторское восприятие данного произведения в качестве арабской сказки должно, на наш взгляд, стать лишь отправным пунктом для научных исследований, а не быть принятым в качестве непреложной истины, т. к. это значительно обедняет представления о данной поэме.

Справедливо говорить лишь о наличии в ней сказочных мотивов, не приравнивая полный текст «Талабы» сказке. Р. Саути действительно вводит в повествование рассказы о чудесных превращениях, заколдованных людях, помощи, которая исходит от магических предметов и наделённых чудесными способностями животных, колдуньях, колдунах и т. п., однако не стоит забывать, что произведение написано в другом жанре, типологические черты которого ему присущи.

Кроме того, даже отдельная часть исследуемого произведения Р. Саути, вопреки суждению автора, не воспринимается как арабская сказка в чистом виде, т. к. сказочные мотивы, использованные поэтом, близки представителям разных культур, что можно проиллюстрировать следующим образом.

Русскоязычному читателю близок созданный Р. Саути образ колдуньи Маймуны, сестры Хавлы, которая, подобно русской Бабе Яге, тоже не лишена родства, но предстаёт взору зашедшего на огонёк путника одна, занимаясь своим делом. При этом, если в русских сказках Баба Яга порой лежит на печи, уткнувшись носом в потолок своей избушки, а служит ей чёрный кот, то Р. Саути невольно подобрал ещё более близкие русской читательской аудитории зарисовки быта сказочного персонажа. Весело потрескивает горящий огонь, а седая старушка с лицом девицы сидит у прялки и, напевая песенку, прядёт тончайшую нить. Кроме того, на столь привычную в русских народных сказках просьбу гостя накормить его, старуха отвечает в песенной форме, рассказывая, что стол она делит с медведицей, живущей неподалёку с тремя медвежатами, что та сейчас охотится и затем принесёт ей еду. Поэтому и упоминание культового для русских народных сказаний животного, живущего в лесу, и числовой образ «три», использованный в отношении детёнышей медведицы, и стилистически оформленный в духе русских народных сказок ответ старухи, безусловно, органичной частью арабской сказки, которую хотел создать Р. Саути, названы быть не могут:

" The She Bear she dwells near to me, // And she hath cubs, one, two, and three; // She hunts the deer, and brings him here, // And then with her I make good cheer; // And now to the chase the She Bear is gone, // And she with her prey will be here anon" [8; 290].

Как и постояльцы в избушке русской Бабы Яги, Талаба в жилище Маймуны также не находится в безопасности, т. к. её цель тоже состоит в том, чтобы обмануть бдительность доверчивого гостя:

And she observed his wonder, // And then again she spake, // And still her speech was song: "Now twine it round thy hands, I say, // Now twine it round thy hands, I pray; // My thread is small, my thread is fine, // But he must be // A stronger than thee, // Who can break this thread of mine!" <...> "Sister! Sister! hear my voice! // Sister! Sister! come and rejoice! // The thread is spun, // The prize is won, // The work is done, // For I have made captive Hodeirah's Son "[8; 290].

И подобно тому, как в русских сказках путь героя лежит через реки глубокие, через горы высокие, через равнины далёкие, долго ли, коротко ли, лесом, полем, Талаба шаг за шагом продвигается к своей цели:

And he hath travelled many a day // And many a river swum over, // And many a mountain ridge hath cross'd, // And many a measureless plain; // And now, amid the wilds advanced // Long is it since his eyes // Have seen the trace of man [8; 289].

Близки русскому читателю и другие гиперболизированные описания и образы, как, к примеру, образ коня-скакуна невиданной красоты, который внезапно предстал взору Талабы:

The song of many a bird at morn // Aroused him from his rest. // Lo! at his side a courser stood; // More animate of eye, // Of form more faultless never had he seen, // More light of limbs and beautiful in strength, // Among the race whose blood, // Pure and unmingled, from the royal steeds // Of Solomon came down [8; 274-275].

Это описание напоминает привычные с детства строки русских народных сказок, в которых образ коня является одним из центральных, ведь конь часто служил своему хозяину верой и правдой, преодолевая вмиг огромные расстояния, слушая язык других зверей и рассказывая своему наезднику о грядущей опасности, являясь по повелению «стань передо мной, как лист перед травой» и т. п.

Не чужда читателю русских сказок и стилистика тех частей «Талабы», где повествуется о волшебных превращениях и чудесах, поданных автором с обилием простых повторов, анафор, многосоюзия и синтаксических параллелизмов:

Away! away! away! // Over the hills and the plains, // Over the rivers and rocks, // Over the sands of the shore // The waves of ocean heave // Under the magic steeds; // With unwet hoofs they trample the deep, // And now they reach the Island coast, // And away to the city the

The Sultan went; the Sorceress rose, // And North, and South, and East, and West, // She faced the points of Heaven; // And ever where she turn'd // She laid her hand upon the wall; // And up she look'd, and smote the air; // And down she stoop'd, and smote the floor [8, 295].

Monarch's abode.// Open fly the city gates,// Open fly the iron doors,// The doors of the palace-court.//Then stopp'd the charmed car[8; 291].

Giddily, giddily, still she whirls,// Loudly, incessantly, still she calls;// The motion is ever the same,//Ever around and around;//The calling is still the same,//Still it is, "Eblis ! Eblis!"// Till her voice is a shapeless yell,//And dizzily rolls her brain;// And now she is full of the Fiend.// She stops, she rocks, she reels! [8; 295]

И в целом образов и мотивов, которые присущи сказке народов Европы, в «Талабе» действительно не мало. С одной стороны, очень привычно для любой, в том числе восточной сказки, когда положительные герои, преодолевая многочисленные трудности в ходе борьбы со злом, пользуются помощью различных волшебных предметов или наделённых особыми способностями существ. Однако огромное значение имеет то, что это за существо или предмет. Поэтому, когда Талабе предстоит сначала найти, а затем получить ответ на свой вопрос от мудрой, никогда не ошибающейся Птицы Древности, видевшей мир от его сотворения, мы не можем говорить, что выбор данного образа в какой-то степени придаёт произведению колорит сказки восточной:

In Kaf the Simorg hath his dwelling-place,//The all-knowing Bird of Ages, who hath seen// The World, with all its children, thrice destroy'd. // Long is the path, // And difficult the way, of danger full;// But that unerring Bird// Could to a certain end// Direct thy weary search"[8; 289].

То же самое можно проиллюстрировать и на других примерах. Так, в «Талабе» Р. Саути есть целый ряд эпизодов, в которых душа юной Лайлы, которая погибла, приняв на себя адресованный Талабе смертельный удар клинка, обратилась птицей и помогала юноше и в дальнейшем:

Obedient to the call,// By the pale moonlight Thalaba pursued,//O'er trackless snows, his way;// Unknowing he what blessed messenger//Had come to guide his steps, – That Laila's spirit went before his path[8; 313].

Подобные примеры, когда душа умершего человека в обличье некоего животного или птицы покровительствует главному герою, в сказках народов Европы довольно распространены. У носителей французского языка в этой связи скорее всего возникнет ассоциация с известной французской народной сказкой «Принцесса Маркасса и птица Дрейден», в которой рассказывается, как однажды благородный юноша Людуэн, будучи сам довольно стеснённым в средствах, без колебаний употребил часть своих денег на то, чтобы похоронить умершего бедняка, у жены которого не было средств на его погребение. Вследствие этого, душа того человека, которому он отдал последний долг, не

пожалев своих скудных грошей, явилась к Людуюну в образе лисицы, чтобы отблагодарить его, всячески помогая юноше в поисках птицы Дрейден и спасая его от верной смерти[2; 74,80].

Кроме того, не только арабской сказке присущи рассказы о том, сколь бессилён бывает человек перед проявлениями высшей воли, будучи не способен изменить предначертанную ему судьбу. В «Талабе-Разрушителе» абсолютно все происки злых сил против главного героя раз за разом сводятся на нет божьим промыслом, что носителю, к примеру, английского языка, скорее напомнит фабулу знаменитой английской народной сказки «Чему быть, того не миновать» (*What will be will be*), где многочисленные усилия знатного вельможи изменить судьбу сына, которому суждено было жениться на девушке из бедной семьи, не имеют никакого успеха.

Как это часто происходит в сказке волшебной, Р. Саути наделил главного героя своей поэмы магическим талисманом – кольцом, которое защищает своего владельца. Однако, в отличие от сказок, в произведении Р. Саути всё магическое по своей значимости неизменно девальвируется в сравнении с божьим промыслом и силой истинной веры. Так, к примеру, в эпизоде смерти колдуна Абдалдара Р. Саути показывает, что даже этот маг, способный повелевать стихиями, был бессилён перед верховной властью Бога. Описывая его кончину, поэт очень искусно обыграл отличительное свойство токсичного ветра самум, дующего, как известно, в африканских и азиатских пустынях весной и летом. Этот горячий, сухой ветер в подавляющем большинстве случаев означает мгновенную смерть от удушья всему живому, что попадает на его пути. В комментариях к поэме Р. Саути отметил, что его приближение местные жители неизменно узнают по характерной красноте воздуха и исходящему запаху серы, а единственный способ выжить в данной ситуации – уткнуться лицом в землю, т. к. удушающие газы этого ветра всегда проносятся на определённой высоте от поверхности земли. Поэтому, молящиеся лицом вниз, как это и принято у мусульман, Моаф, Онейза и Талаба избежали смерти, в то время как рядом нашёл свой конец тот, кто не преклонил голову перед Богом и, вознеся клинок над Талабой, сам упал замертво.

Р. Саути, очень щепетильно относящийся к тому, чтобы у читателя не сложилось впечатление, будто жизнь герою хоть в какой-то степени спасали магические чары кольца, вкладывает в уста Талабы слова, которые как бы меняют программу этого предмета, изначально принадлежавшего Абдалдару, делая веру юноши и его желание нести добро определяющими факторами в новом назначении перстня, владельца которого теперь защищает сам Бог:

In Gods name, and the Prophet 's! be its power//Good, let it serve the righteous; if for evil, //God, and my trust in Him, //shall hallow it[8; 244].

Поэтому, к примеру, когда колдун Лобаба в обличье старика предложил Талабе снять кольцо, дабы он мог рассмотреть надпись на нём поближе, оса тут

же села на палец юноши и ужалила его как раз над камнем в оправе, что сделало все попытки снять перстень с опухшего пальца совершенно бессмысленными. В этом колдун увидел руку Проведения и выругался про себя.

И то, что магия ни в коей мере к победам Талабы не причастна, подчёркивается Р. Саути повсеместно. Его герой даже сам выбрасывает кольцо, ранее столь ему понравившееся, причём делает это перед схваткой с сильным врагом:

"Blasphemer! dost thou boast of guiding me?"// Quoth Thalaba, with virtuous pride inflamed.// "Blindly the wicked work// The righteous will of Heaven!// Sayest thou that, diffident of God,// In Magic spells I trust ?// Liar! let witness this! " //And he drew off Abdaldar's Ring,// And cast it in the gulf.//A skinny hand came up,// And caught it as it fell,// And peals of devilish laughter shook the Cave[8; 269].

(Thalaba the Destroyer)

Когда Талаба вновь обретёт кольцо, он снова повторит своё заклинание-освящение:

Lock'd in his magic chain,// Thalaba on his passive powerless hand// Received again the Spell. //Remembering then with what an ominous faith// First he drew on the ring,// The youth repeats his words of augury;// "In God's name and the Prophet's! be its power// Good, let it serve the righteous! if for evil,// God and my trust in Him shall hallow it.// Blindly the wicked work //The righteous will of Heaven!"// So Thalaba received again// The written ring of gold [8; 296].

Ещё раз он расстанется с кольцом в самом конце произведения, когда, вооружившись одной верой, выполнит свою миссию и погибнет сам, как это и было предрешиено.

Как ни парадоксально это может прозвучать, особенно принимая во внимание работу Р. Саути с первоисточниками и созданные им комментарии к произведению о Востоке, но в исследуемой поэме мало прослеживается не только сказка Восточная, но и Восток в целом. В ходе прочтения «Талабы» очень редко встречаются трудные для понимания отрывки, быт героев обрисован очень схематично, а топонимически всё очень неопределённо и размыто. Большая часть комментариев к «Талабе» просто расширяет уже существующие у читателя фоновые знания о другой культуре или же раскрывает замысел автора в отношении включения в текст тех или иных средств художественного описания, цитат, реминисценций и т. д. Порой поэт рассказывает в них о своих собственных ощущениях, сомнениях и пр., которые сопряжены с описываемыми им событиями. И поистине редко в его комментариях встречается нечто принципиально новое и незнакомое о Востоке. Подчеркнём, что подобное восприятие произведения лишь в малой степени

является результатом современного прочтения данной поэмы, характерного для века глобализации, снивелировавшего некоторые различия в культурах, века сверхзвуковых самолётов, очень быстро переносающих «из варяг в греки», века массовых теле- и радиокommunikаций, глобальной сети и т. п.

Очень показательны, что ко всем двенадцати книгам «Талабы-Разрушителя» Р. Саути подобрал эпиграфы вовсе не из работ писателей и поэтов Востока, а также не из Корана, а из Библии и Апокрифов. Он ожидает от своего читателя знакомства с произведениями европейских авторов, что, по его мнению, должно помочь в понимании рассказанного им самим в «Талабе», как это случилось, к примеру, в эпизоде, когда Мохареб внезапно стал султаном. Подробно объяснять эту перемену в статусе героя, ввергнутого Талабой в пучину, Р. Саути не стал, в комментариях отметив лишь, что всем, читавшим «Дон Кихота» Сервантеса, будет понятно, как это могло произойти.

В отдельных выражениях «Талабы» угадываются реминисценции из европейской классической литературы. К примеру, часть фразы из «Макбет» Шекспира появляется в «Талабе» Р. Саути, но, в отличие от «Соннетов» Р. Саути, цитируется не столь полно и уже не закавычена:

Thy hate, thy bloody aim,—//Into what deep damnation wilt thou plunge//Thy miserable soul!—... [8; 239]

Обнаруживают сходство со знаменитым шекспировским высказыванием о том, что не существует ничего изначально хорошего или плохого и слова колдуна Лобабы, позже по смыслу повторенные ещё одним героем «Талабы» Р. Саути-Мохаребом:

Cf

***There is nothing either good or bad, but thinking makes it so*[13].**

(William Shakespeare, Hamlet. Act 2. Scene II.)

*LOBABA. All things have a double power, //Alike for good and evil. The. same fire //That on the comfortable hearth at eve //Warm the good man, flames o'er the house at //night; //Should we for this forego //The needful element? //<...> THALABA. What follows hence? LOBABA. **That nothing in itself is good or evil //But only in Us use** [8:257-258].*

Эпизод, в котором рассказывается, как собаки становятся на колени и молятся вместе с Талабой (*They stopp'd and look'd at Thalaba; // The Youth perform'd his prayer; // They knelt beside him while he pray'd; ... [8;]*) вероятно, навеян легендами, связанными с празднованием Рождества. В них, в частности, говорится, что один раз в год перед Рождеством, животные (чаще домашние) обретают способность говорить языком человека и в канун этого великого праздника даже становятся на колени, чтобы помолиться. Поэтому не случайно,

что во все времена подобные поверья неоднократно становились основой для создания поэтических произведений:

On Christmas Eve at twelve o'clock//The cattle kneel to pray//And lamb and ox and crowing cock//Have human words to say...//But none except the pure of heart,//Who have an inner ear,//But none except the pure of heart may hear[3; 48]

В исследуемой поэме Р. Саути значимость грядущего разрушения логова ведьм для заколдованных людей трудно переоценить. Поэтому, в преддверии судьбоносного часа, когда они освободятся от обличья собак и истинная вера восторжествует, поэт, с одной стороны, делает поведение собак сродни человеческому, дабы в них читателем угадывались люди, а с другой, даже особым поведением этих животных он подчёркивает значимость грядущего события, сопоставимого по важности с рождением Спасителя.

Однако подобные описания культуре Востока чужды. Более того, даже в Европе они могут восприниматься неоднозначно. Так, к примеру, в украинских поверьях тоже существуют легенды о том, что в канун Рождества домашний скот обращается к Богу или к святому Николаю на языке человека. Животные рассказывают, как их хозяева к ним относились на протяжении года и хорошо ли кормили. Однако в этих сказаниях украинского народа о собаках речь не идёт. Кроме того, православному читателю строки Р. Саути о молящихся на коленях собаках могут вообще показаться сущим святотатством, т. к. среди православных и поныне считается, что собак не должно быть там, где стоят иконы, а если в православную церковь случайно забежит собака, алтарь церкви обязательно переосвящается.

Таким образом, изучая текст «Талабы», нельзя не заметить, что мир Востока неизменно характеризуется категориями, которые совсем не привычны людям, его населяющим. Ведь маловероятно, чтобы жителям пустыни было близко и сравнение черноты облака с выбросами над Везувием или Геклой, что на юге Италии и в Исландии соответственно:

And what the heavy cloud//That hangs upon the vale,//Thick as the mist o'er a well-water'd plain,//Settling at evening when the cooler air//Lets its day-vapors fall;//Black as the sulphur-cloud,//That through Vesuvius, or from Hecla's mouth,//Rolls up, ascending from the infernal fires? [8; 267]

(Thalaba the Destroyer)

Картина, обманувшая взор затерянных в пустыне путников, вряд ли в их сознании ассоциировалась бы с красивыми полями Англии, но вездесущий автор подаёт читателю их впечатления в уже переработанном, пропущенном через призму его собственного восприятия, виде. Само же описание этих красот по форме очень напоминает ранее созданную Р. Саути пейзажную зарисовку майского дня в «Уоте Тайлере». Вот как это представлено в «Талабе»:

But, oh, the joy! the blessed sight!//When in that burning waste the Travellers//Saw a green meadow, fair with flowers besprent,//Azure and yellow, like the beautiful fields//Of England, when amid the growing grass//The blue-bell bends, the golden king-cup shines,//And the sweet cowslip scents the genial air,//In the merry month of May![8; 259]

(Thalaba the Destroyer)

И подобных примеров, в которых внешность героев и их индивидуальное восприятие мира описываются при помощи реалий, абсолютно чуждых их культуре, в произведении очень много:

The youth, with the start of their speed,// Falls back to the bar of the sledge;// His hair floats straight in the stream of the wind// Like the weeds in the running brook [8; 334].

WHOSE is yon dawning form,//That in the darkness meets//The delegated youth?//Dim as the shadow of a fire at noon//Or pale reflection, on the evening brook//Of glow-worm on the bank//Kindled to guide her winged paramour [8; 255].

Уют и спокойное времяпрепровождение дома у горящего очага, особенно когда на улице бушует непогода, это тоже описание близких и понятных жителю Туманного Альбиона радостей, в меньшей степени характерных для кочевых народов и народностей:

When the blast is loud;//When the waters fill//The traveller's tread in the sands;//When the pouring shower//Streams adown the roof;//When the door-curtain hangs in heavier folds;//When the out-strain'd tent flags loosely: //Within there is the ember's cheerful glow,//The sound of the familiar voice,//The song that lightens toil—//Domestic Peace and Comfort are within[8; 246]

(Thalaba the Destroyer)

Очень специфически Р. Саути передаёт и особенности вероисповедания своих героев. Отчасти по причине того, что и Библия и Коран проповедуют сходные ценности, в произведении многочисленны примеры, которые могут быть близки как христианину, так и человеку, исповедующему ислам. Это, к примеру, постулат о том, что люди должны помогать страждущим ("*Relieve the widow and the fatherless!//Blessed are they who succor the distress'd;//For them hath God appointed Paradise*") и не воспринимать короля как Бога на земле ("*Great is the King! A God upon the Earth!*"), т. к. в христианской традиции Бог един, а для мусульман то же самое звучит как «Нет Бога выше Аллаха».

И мусульмане, и христиане сталкиваются со сходными трудностями в процессе обретения веры и укрепления в ней, что продемонстрировано на примере юного Талабы:

"Good is he!" quoth the boy;/"Why are my bretheren and my sisters slain?/"Why is my father killd?/"Did ever we neglect our prayers,/"Or ever lift a hand unclean to Heaven?/"Did ever stranger from our tent/"Unwelcomed turn away?/"Mother, He is not good!"<...>"O,God, forgive the chUi!/"He knows not what he says;..." [8; 226].

Однако часто христианские ценности и библейские сюжеты просто пересаживаются поэтом на экзотическую почву. Подобно тому, как это принято именно в христианской традиции, Р. Саути подчёркивает, что необходимо раскаяться и только тогда возможно прошение за грехи (**REPENT AND BE FORGIVEN!**), что Бог милостив (*We mocked the messenger of God;/"We mocked the Lord, long-suffering, slow to wrath* (Ср. со словами из «Жанны Д'Арк»: "*Long-suffering is the Lord, and slow to wrath/"But heavy are his judgments!*"), что негоже истинно верующему человеку роптать на Бога:

He rose, and from the banquet-room he rush'd;/"Tears coursed his burning cheek;/"And nature for a moment woke the thought,/"And murmur'd, that, from all domestic joys/"Estranged, he wander'd o'er the world,/"A lonely being, far from all he lovedJ/Son of Hodeirah, not among thy crimes/"That momentary murmur shall be written! [18; 278]

(Thalaba the Destroyer)

Или:

"Allah, thy will be done/"Beneath the dispensations of that will/I groan, but murmur not/"A day will come, when all things that are dark/"Will be made clear;..." [8; 226]

(Thalaba the Destroyer)

В конце концов Талаба готов даже простить Окбу, убившего его отца, братьев и сестёр, а подобное всепрощение для мусульман не характерно. Обращает на себя внимание и тот факт, что Р. Саути преимущественно говорит о Боге в общем, не часто обращаясь к именам Аллаха и пророка Мохаммеда и лишь окказионально упоминая отдельные атрибуты религиозного культа мусульман:

"...Go thou, and on the shore/"Perform thy last ablutions, and with prayer/"Strengthen thy heart – I too have need to pray" [8; 338].

Поэтому характерные для Р. Саути сравнения с христианскими святыми, как, к примеру, Святой Поликарп Смирнский, очень органично вплетаются в повествование:

And in the raging flames/" She threw the imaged wax./" It lay amid the flames,/" Like Polycarp of old,/" When, by the glories of the burning stake/" O'er-vaulted, his

gray hairs// Curl'd, life-like, to the fire// That haloed round his saintly brow [8; 298].

Как видно из вышеприведённого отрывка, основой для сравнения стал один из эпизодов казни святого, приговорённого к сожжению, когда на глазах у всех присутствующих случилось чудо: пламя окружило св. Поликарпа, но не коснулось его, сомкнувшись в воздухе над его головой [10].

Отдельные сюжеты из Библии, творчески переосмысленные Р. Саути, также стали органичной частью произведения. В эпизоде, когда Талаба покидает Моафа, чтобы выполнить предначертанную ему миссию, он указывает старику на звезду, которая взошла и указывает ему путь на Восток, зовя в дорогу:

The rain had ceased; the sky was wild, //Its black clouds broken by the storm. //And, lo! it chanced, that in the chasm //Of Heaven between, a star, // Leaving along its path continuous light, //Shot eastward. // " See my guide! " quoth Thalaba; //And turning, he received // Old Moath's last embrace, // And the last blessing of the good Old Man" [8; 289].

(Thalaba the Destroyer)

Таким образом, согласно замыслу поэта, освобождение человечества от власти тёмных сил в лице обитателей логова ведьм, должно было произойти на Востоке. И подобно тому, как Вифлиемская звезда указала путь библейским волхвам на Восток, к месту, где родился Спаситель, впоследствии отдавший свою жизнь за избавление человечества от мук вечной тьмы, в произведении Р. Саути Талаба тоже идёт за звездой на Восток, чтобы умереть во имя Бога и истинной веры, ценой своей жизни даровав людям избавление от чар и колдовства.

Схватка Талабы и Мохареба напоминает библейскую историю о Давиде и Голиафе (1 Царств 17:1-53), причём Р. Саути сохранил в «Талабе» многие подробности этого поединка. Как гласит Священное Писание, Давид, услышав, что филистимлянин-силач Голиаф поносит живого Бога и воинство израильтян, попросил царя Саула разрешить ему сразиться с Голиафом. Ответ Саула гласил: «...Ты ещё юноша, а он воин от юности своей». Но Давид рассказал Саулу, как Дух Божий пребывал с ним и, не имея могучего телосложения, с божьей помощью он побеждал львов и медведей во времена, когда пас овец своего отца. Тогда Саул позволил ему сразиться и одел его в броню и медный шлем. Однако Давид, не привыкший к подобному облачению, снял с себя доспехи и взял лишь свой посох, а также выбрал из ручья пять гладких камней, которые положил в свою пастушью сумку. Его вид позабавил Голиафа, и он спросил Давида: «Что ты идёшь на меня с палкою? Разве я собака?» Показателен ответ будущего царя, который сказал: «Ты идёшь против меня с мечом, копьём и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа, Бога воинств израильских, которые ты поносил». Как уже отмечалось, ключевые моменты библейского описания противостояния Давида и силача Голиафа в своём произведении Р.

Саути повторил применительно к сильному физически и крупному Мохаребу и ещё не оформившемуся юноше Талабе:

The undefended youth// Sprung forward, and he seized// Mohareb in his grasp, // And grappled with him breast to breast// Sinewy and large of limb Mohareb was// Broad-shoulder'd, and his joints//Knit firm, and in the strife //Of danger practised well// Time had not thus matured young Thalaba; //But high-wroughtfeeling now, //The inspiration and the mood divine, //Infused a force portentous, like the strength //Of madness through his frame [8; 270].

(Thalaba the Destroyer)

Как известно, результатом противостояния пастушка-Давида и филистимлянина Голиафа стала мгновенная смерть последнего, наступившая вследствие всего лишь одного удара Давида камнем из пращи, который попал его врагу прямо в лоб. Своим поступком Давид ещё раз доказал, на что способна сила веры. Подобное совершил и Талаба, кинувшись безоружным на крепкого воина в доспехах и повергнув его в пучину:

Mohareb reels before him; he right on, //With knee, with breast, with arm, //Presses the staggering foe; //And now upon the brink//Of that tremendous spring,— // There with fresh impulse and a rush of force, //He thrust him from his hold. //The upwhirling flood received// Mohareb, then, absorb'd, //Engulf'd him in the abyss [8; 270].

(Thalaba the Destroyer)

Поэтому не случайно, желая подчеркнуть, что только истинная вера стала основой успеха Талабы, который, подобно библейскому Давиду, одержал победу в неравном поединке, Р. Саути заканчивает эту сцену ответом ангелов, от которых Талаба жаждал узнать, какой именно талисман поможет ему выполнить предначертанную миссию. Согласно откровению от ангелов, единственным талисманом в подобном предприятии может быть вера, что, по их мнению, Талаба своей победой над Мохаребом доказал сам:

In awe the youth received the answering voice –// " Son of Hodeirah! thou hast proved it here; //The Talisman is Faith" [8; 270].

(Thalaba the Destroyer)

Рассказывая о природе Востока, Р. Саути также не прибегает к чему-то принципиально новому. Прежде всего, поэт традиционно для себя подчёркивает неотделимость всего сущего от верховной воли Творца:

"Lo! how created things//Obey the written doom! " //Allah, who appoints//Yon swarms to be a punishment of man, //these also hath he doom ed to meet their

way; // Both passive instruments // Of his all-acting will, // Sole mover He, and only spring of all [8; 247]

(Thalaba the Destroyer)

Присущая самому поэту способность созерцать природу и его бережное отношение даже к самой мелкой травинке и букашке помогли Р. Саута создать очень красивые описания флоры и фауны, которые он вложил в уста своих персонажей:

The admiring girl survey'd // His outspread sails of green; // His gauzy underwings, // One closely to the grass-green body furVdJ // One ruffled in the fall, and half unclosed. // She viewed his jet-orb'd eyes, // His glossy gorget bright, // Green-glittering in the sun; // His plummy, pliant horns, // That, nearer as she gazed, // Bent tremblingly before her breath [8; 247].

(Thalaba the Destroyer)

Мы найдём и характерное для поэта любование ночным пейзажем ("**How beautiful is night!** // A dewy freshness fills the silent air; // No mist obscures, nor cloud, nor speck, nor stain, // Breaks the serene of heaven:... " или же: "Awhile he lay, and watched **the lovely Moon**,...") и столь свойственный ему пиетет перед солнцем (**Oh, beautiful! the godlike Sun** // Is rising o'er the sea!), что нашло своё отображение даже в выборе имени для главного героя произведения. Из мифологии известно, что в восточных легендах Талаба традиционно является символом плодородия и самого солнца [9; 1003], подобно которому персонаж Р. Саути призван нести свет истинной веры, которая озарит и разрушит обитель тёмных сил.

В «Талабе» нашло отображение и пристальное внимание поэта к миру звуков, которые всегда сопутствовали и часто затмевали визуальную картинку:

The murmuring wind, the moving leaves, // Soothed him at length to sleep, // With mingled lullabies of sight and sound [8; 257].

Или же:

What sound is borne on the wind? // Is it the storm that shakes // The thousand oaks of the forest? // But Thalaba's long locks // Flow down his shoulders moveless, and the wind // In his loose mantle raises not a fold. // Is it the river's roar // Dash'd down some rocky descent? // Along the level plain // Euphrates glides unheard. // What sound disturbs the night, // Loud as the summer forest in the storm, // As the river that roars among rocks? [8; 267]

(Thalaba the Destroyer)

Наблюдения за психологией человека, характерные для всего творчества Р. Саути, и в данном произведении встречаются повсеместно. Показательно в

этом отношении описание испуга у ребёнка, сходным образом представленное не только в «Талабе-Разрушителе», но и в «Родрике. Последнем из готов»:

Cf

*The babe in arms that meets her// Turns round with quick affright,// At id
clings to his nurse's neck [8; 297].*

(Thalaba the Destroyer)

*<...>the babe in arms,// Affrighted at his visage, turn'd away,//And clinging to
the mother's neck in tears,//Would yet again look up, and then again//Shrink back,
with cry renew'd [8, 654].*

(Roderick. The last of the Goths)

Очень выверено и позиционирование колдуньи Хавлы, как самой жестокой ведьмы в сравнении с другими обитателями Домданиэла (*Even Khawla, fiercest of the enchanter brood,//Not without effort drew//Her fear-suspended breath*), что соответствует принятому среди исследователей в сфере психологии полов выводу о том, что женщины традиционно отличаются большей степенью жестокости в сравнении с мужчинами.

Как мы уже отмечали в более ранних публикациях, для Р. Саути не характерно живописать чувство любви, передавая мельчайшие детали душевных порывов своих героев. Тем не менее, его знание психологии позволяет всегда доносить до читателя глубину чувств тех или иных персонажей, часто при помощи детализированного описания моделей поведения, присущих влюблённым:

*She call'd him Brother;was it sister-love//For which the silver rings//Round her
smooth ankles and her tawny arms//Shone daily brighten d? for a brother 's
eye//Were her long fingers tinged,//As when she trimm'd the lamp,//And through the
veins and delicate skin//The light shone rosy? that the darken'd lids//Gave yet a softer
lustre to her eye?//That with such pride she trick'dz//Her glossy tresses, and on holy
day//Wreathed the redflower-crown round//Their waves of glossy jet?[8; 246]*

(Thalaba the Destroyer)

Рука и манера Р. Саути угадываются во всём, будь то неоднократно воспетый им образ несчастной овдовевшей женщины, бредущей со своим ребёнком по безлюдной местности (*The widow'd mother and the fatherless boy,//They, at this untimely hour,//Wander o 'er the desert sands*), столь присущие ему философские размышления о переменчивости судьбы (" *Yesterday//I way a wife beloved,//The fruitful mother of a numerous race.//I am a widow now; Of all my offspring this alone is left...*"; *Alas! The setting sun//Saw Zeinab in her bliss,//Hodeirah's wife beloved.f/Alas! The wife beloved,//The fruitful mother late,//Whom when the daughters of Arabia named,//They wish d their lot like hers,//She wanders o er the desert sands//A wretched widow now;*), обращения к мифологии для создания красочных сравнений (*The single nightingale// Perch'd*

in the rosier by, so richly toned, // That never from that most melodious bird, // Singing a love-song to his brooding mate, // Did Thracian shepherd by the grave // Of Orpheus hear a sweeter melody,) или фаталистическое отношение к жизни (*O fool, to think thy human hand // Could check the chariot-wheels of Destiny!*).

Поэтому, имея множество подтверждений тому, что Р. Саути в «Талабе» оставался верен прежде всего самому себе и ранее выработанным им приёмам художественного описания, совершенно безосновательными представляются утверждения о том, что нет произведения, на которое «Талаба» походит более, нежели «Ватек» У. Бекфорда.

Подобные выводы, на наш взгляд, сопряжены с превалирующей тенденцией изучать творчество Р. Саути, уподобляя стихи и поэмы поэта уже существующим в сокровищнице мировой литературы произведениям. Подчеркнём, что речь не идёт об очень нужных интертекстуальных исследованиях или изучении литературного наследия Р. Саути в контексте мировой литературы. Имеется в виду совершенно недопустимая, с нашей точки зрения, но столь характерная в отношении Р. Саути практика упорно искать прототипы для созданных им стихов и поэм.

Одним из наиболее показательных примеров в данном аспекте является труд М. Якобус [5], которая, основываясь на высказывании У. Уордсворта, назвавшего Р. Саути «тайным плагиатором» (*covert plagiarist*), составила перечень произведений поэта, написанных, по её мнению, на основе поэтического сборника «Лирические баллады» У. Вордсворта и С.Т. Кольриджа. Впоследствии появились и работы, в которых «прямых соответствий» искали теперь уже за пределами «Лирических баллад», несколько дополнив результаты, полученные М. Якобус.

Это неизменно приводит к тому, что творчество и поэтический талант Р. Саути не воспринимаются, как самоценные. Несмотря на то, что в предисловиях или комментариях к своим стихам и поэмам Р. Саути преимущественно указывал, что стало их основой, а это могли быть реальные случаи из жизни, воспоминания путешественников, средневековые легенды и т. п., в научной литературе принято связывать само появление произведений Р. Саути с восхищением или недовольством поэта в отношении попавшей в поле его зрения поэзией. По мнению учёных, практикующих подобное в своих исследованиях, выходит, что творить Р. Саути побуждало либо желание подражать, либо исправлять отдельные недостатки у других авторов и показывать, как следовало бы им писать на заданную тему.

В результате, создаётся совершенно искажённое представление о Р. Саути, который якобы только то и делал, что непрерывно заимствовал из разных поэтов, причём делал это явно и в больших количествах. Изучать влияние литературного наследия Р. Саути на творчество других литераторов, в том числе и английских романтиков, как-то не повелось, хотя известностью стихи Р. Саути пользовались далеко за пределами Англии и не только у представителей романтического течения. Так, к примеру, среди эпитафий в

приключенческих романах Ф. Купера, мы, в частности, найдём и цитаты из Р. Саути.

Однако созданный для Р. Саути ярлык плагиатора и поэта второго ряда так прижился, что уж если из-под его пера появлялась страшная баллада – то её непременно почитали имитацией «Леноры» Г.А. Бюргера, уж если говорили о «Талабе-Разрушителе» – то в непосредственной связи с «прототипом» «Ватеком», а если в стихотворении «Моряк, который состоял на службе у работорговца» матрос, выполняя приказ капитана, убил пленную рабыню и потом жестоко раскаялся, то это непременно являлось реминисценцией из «Сказания о старом мореходе» С.Т. Кольриджа, вследствие чего эти два совершенно несопоставимых произведения преподносятся как оригинал и несколько изменённая, якобы подогнанная Р. Саути под формат журнальной поэзии, копия.

Против практики сравнений подобного свойства восставал и сам Р. Саути, для чего достаточно вспомнить его комментарий к рефрену *"And away! Away! Away!"* в «Талабе», где поэт довольно резко объясняет, что не откажется от какой-либо точно соответствующей предмету описания формы выражения только на том основании, что до него это сделал Бюргер, а сходство его «Старушки из Беркли» и Леноры состоит только в том, что обе они являются балладами и в обеих из них есть лошадь:

My readers will recollect the Lenora. The unwilling resemblance has been forced upon me by the subject. I could not turn aside from the road, because Burger had travelled it before. The "Old Woman of Berkley" has been foolishly called an imitation of that inimitable ballad: the likeness is of the same kind as between Macedon and Monmouth. Both are ballads, and there is a horse in both [8; 294].

Данные слова поэта очень справедливы, ведь с практикой огульного уподобления можно очень далеко зайти и тогда, к примеру, поэма Р. Саути «Мэри, служанка постоянного двора» и пушкинская сказка «Жених» тоже будут восприниматься как оригинал и переработанная версия одного и того же произведения. Ведь если так судить, то две незамужние девушки, Мэри и Наташа соответственно, совершенно случайно, вдали от дома, стали свидетелями убийства людей, что стало у них обеих причиной глубокого психологического потрясения. Кроме того, убийцами были молодые люди, которые впоследствии могли стать их мужьями, т. к. Мэри уже была помолвлена, а к Наташе посватались вскоре после расправы, которую она подсмотрела. И у Р. Саути и у А.С. Пушкина убийцы понесли заслуженное наказание и были казнены.

Кроме того, от внимания тех, кто, основываясь на наличии отдельных схожих черт, склонен уподоблять произведения целиком, видимо как-то укрылось то обстоятельство, что в исследуемой поэме «Талаба», к примеру, есть эпизод, в котором по наущению коварного колдуна, принявшего обличье

странствующего старца, Талаба перерезал горло верблюду, о чём сразу же стал сожалеть:

Then from his girdle Thalaba took the knife//With stern compassion, and from side to side//Across the Camel's throat//Drew deep the crooked blade. Servant of man, that merciful deed//Forever ends thy suffering; but what doomllWaits thy deliverer? "Little will thy death//Avail us!" [8; 260]

(Thalaba the Destroyer)

Да и страдания двух попутчиков от жажды в знойной пустыне, изображённые в этом произведении Р. Саути, весьма напоминают муки матросов от отсутствия пресной воды в «Сказании о старом мореходе»:

Who that beheld thy venerable face, //Thy features stiff with suffering, the dry lips, //The feverish eyes, could deem that all within//Was magic ease, and fearlessness secure, //And wiles of hellish import?<...> The youth's parch'd lips were black, //His tongue WAS dry and rough, //His eyeballs red with heatJ/Lobaba gazed on him with look//That seem 'd to speak of pity,...[8; 260].

(Thalaba the Destroyer)

Согласно их теории данное сходство вполне могло бы стать основанием для выводов о близости текстов «Талабы-Разрушителя» и «Сказания о старом мореходе» С.Т. Кольриджа, взятых целиком, что, безусловно, недопустимо. А ведь в списках «заимствований» Р. Саути из С.Т. Кольриджа и У. Вордсворта часто значатся произведения, в которых сходства ещё меньше.

Подчеркнём, что отдельно взятые образы, мотивы, эпизоды и т. п. не являются основанием для выводов о близости целых произведений. «Жизнь Нельсона» Р. Саути, написанную в прозе, мы не станем сравнивать со «Сказанием о старом мореходе» С.Т. Кольриджа на том лишь основании, что биография адмирала содержит в себе рассказ, как однажды моряк лишил жизни ни в чём не повинное животное, а мудрая природа не замедлила отомстить. Речь идёт об эпизоде из юношеских лет будущего адмирала Нельсона, когда он, находясь в шлюпке с другими матросами, стал свидетелем того, как один из его товарищей убил моржа. В результате, стая моржей, дабы отомстить за потерю, атаковала шлюпку. Это бессмысленное убийство чуть не стоило всем им жизни.

С текстом «Талабы» в том числе, связаны и многочисленные обвинения Р. Саути в шовинизме В этой связи чаще всего цитируются следующие строки из комментариев к данной поэме:

A waste of ornament and labor characterizes all the works of the Orientalists. I have seen illuminated Persian manuscripts that must each have been the toil of many years, every page painted not with representations of life and manners, but usually like the curves and lines of a Turkey carpet, conveying no idea whatever, as absurd to the eye as nonsense-verses to the ear... [8; 232].

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то, что Р. Саути судит об украшении перских манускриптов с позиций человека абсолютно несведущего в данном вопросе и, как и в большинстве подобных ситуаций, это у него получается весьма категорично. Данный недостаток человеческой природы, который заключается в том, что люди пускаются в рассуждения о вещах, в которых мало понимают, неоднократно становился мишенью для критики. Среди великого множества подобных примеров в художественной литературе разных народов назовём знакомые русскоязычному читателю строки басни И.А. Крылова «Петух и ячменное зерно», в которых речь петуха в отношении зерна жемчужного, найденного им в навозной куче, не только по сути, но даже и по манере изложения напоминает вышеприведённую цитату из Р. Саути:

Куда оно?// Какая вещь пустая!// Не глупо ль, что его высоко так ценят?// А я бы, право, был гораздо боле рад// Зерну ячменному: оно не столь хоть и видно,//Да сытно [1; 54].

А ведь великий русский баснописец, о котором князь П. Вяземский в своё время писал, что *«Забавой он людей исправил,//Сметая с них пороков пыль»*, высмеивал вовсе не шовинизм, а простое невежество в отдельно взятых вопросах, о чём свидетельствует мораль сей басни:

Невежи судят точно так://В чём толку не поймут, то все у них пустяк [1; 54].

Таким образом, высокообразованный Р. Саути выказал своё невежество в отношении восточных орнаментов прежде всего по той причине, что до берегов Британии доходило очень мало информации о жизни Востока, ещё меньше было самих первоисточников, и судил он о Востоке в отсутствие личного опыта длительного пребывания в тех местах и общения с местным населением, что, безусловно, помогло бы ему понять и даже принять очень многие особенности другой культуры и менталитета. А ведь, как известно, неправильно делать какие-либо выводы, не имея достаточной информации, равно как и невозможно полюбить и принять то, чего не знаешь.

Тем не менее, в комментариях к «Талабе» мы найдём выделенный автором графически эпитет «варварские», который с целью создания комического эффекта был использован им применительно к учёным, занимающихся Востоком (*The little of their literature that has reached us is equally worthless. Our **barbarian** scholars have called Ferdusi the Oriental Homer... [8; 232]*), а также другие свидетельства снисходительного отношения Р. Саути к представителям другой культуры (*So one day may the Crescent from thy Mosques //Be pluck'd by wisdom, when the enlighten'd arm// Of Europe conquers to redeem the East!*). Подчеркнём, это именно снисходительное отношение, что по-

английски будет звучать как *patronizing*, а не шовинистическое (*jingoistic/chauvinistic*), т. к. тексты публикаций Р. Саути в периодических изданиях современной ему эпохи, его эпистолярное наследие, поэзия и проза не содержат свидетельств агрессии со стороны поэта по отношению к другим народам, а ведь именно воинственное неприятие другой культуры является неотъемлемой составляющей значения слова «шовинизм».

Можно предположить, что такое восприятие Востока сформировалось у поэта как в результате знакомства с документальными данными, раскрывающими более низкую степень развития цивилизации тех народов, так и в результате того, что в XIX в. Британская Империя контролировала огромные территории по всему миру и это давало британцам особое ощущение собственной значимости.

Как отмечают историки, подобные настроения достигли своего апогея к середине столетия [6; 131], т. е. уже после смерти Р. Саути, умершего в 1843 г. Однако логично полагать, что развивались они на протяжении многих предыдущих лет и не были чужды поэту, чему мы и находим подтверждения в его работах. Однако это тоже не шовинизм в чистом виде, т. к. отношение Р. Саути к другим народам вряд ли можно сравнить с мнением одного из героев Ч. Диккенса – мистера Подснапа, который считал родную ему Британию избранной Богом, а все остальные нации – ошибкой.

Таким образом, на основании проведённого исследования, можно сделать выводы о неправомочности целого ряда выводов в отношении «Талабы-Разрушителя» Р. Саути и самого её автора, которые прочно закрепились в научном обиходе. Прежде всего следует подчеркнуть, что данная поэма Р. Саути даёт все основания утверждать, что в ходе её создания поэт не обращался к чему-то принципиально для себя новому, оставаясь верен прежде всего сам себе и присущим ему принципам художественного описания. Поэтому согласиться с утверждениями о том, что нет в сокровищнице мировой литературы другого такого произведения, на которое бы исследуемая поэма Р. Саути походила более, нежели «Ватек» Бэкфорда, не представляется возможным.

Ошибочно, на наш взгляд, и уподобление текста «Талабы» «Сказке о Муграби-колдуне», ведь произведение включает в себе лишь отдельные черты этой арабской сказки. При этом в нём наличествуют реминисценции из различных европейских авторов, поэт традиционно для себя использует многочисленные библейские аллюзии, а сказочные мотивы, которыми проникнуто произведение, близки и понятны представителям европейской культуры.

Кроме того, саму интенцию Р. Саути создать произведение о Востоке не стоит воспринимать, как абсолютный результат, т. к. вопреки всем стараниям Р. Саути, созданный им художественный текст, на наш взгляд, далёк от всего подлинно восточного и лишь в очередной раз доказывает справедливость известного высказывания Р. Киплинга из его «Баллады о Востоке и Западе»,

которое гласит, что «Восток- есть восток, а запад есть запад...и вместе им не сойтись» (*Oh, East is East, and West is West, and never the twain shall meet...*), хотя общечеловеческие ценности их всё же объединяют [12].

Несколько преувеличены также и выводы о шовинистических настроениях Р. Саути по отношению к народам Востока. Будучи основанными на свидетельствах гордости поэта за свою страну и достижения Британии во внешней политике, а также примерах его некомпетентной оценки реалий другой, малоизвестной ему культуры, подобные обвинения совершенно несправедливо высказывались различными учёными в адрес Р. Саути.

Литература

1. Крылов И.А. Басни малышам. – Ростов-на-Дону: Проф-Пресс, 2010. – 144с.
2. Сорок французских сказок, – Киев: Грайлык, 1994 – 240 с.
3. Хоменко Е.Г. Christmas. «Бібліотечка журналу «Іноземні мови»», вип. 1/2001. – К.: Ленвіт, 2001. – 64 с.
4. Haller, William. Early Life of Robert Southey. New York: Columbia U. Press, 1917.
5. Jacobus, Maiy. Southey's Debt to Lyrical Ballads (1798). – The Review of English Studies, New Series, Vol. 22, No. 85. (Feb., 1971). – pp. 20-36.
6. McDowell, D. An Illustrated History of Britain – London: Longman, 1989 – 188p.
7. Smith, Byron Porter. Islam in English Literature. Beirut: American Press, 1939.
8. Southey, Robert. The Poetical Worics of Robert Southey. Ten Volumes in One-New Yoric: D. Appleton & Co., 1839. – 810 p.
9. The Dictionary of Mythology/ An A-Z of themes, legends and heroes. – London: Arcturus Publishing LTD, 2007, – 1135p.
10. Святитель Поликарп, епископ Смирнский. <http://days.pravoslavie.ru/Life/life496.htm>
11. Bishtig Tarek M. Islam in Robert Southey's epic Thalaba. <http://nova.rambler.ru/search?set=www&words=Al-satil+Joumal+15Islam+in+Robert+Southey%27s+epic+ThalabaDr.+Tarek+M.+BishtiG&btnG=%CD%E0%E9%F2%E8%21>
12. Kipling, R. The Ballad of East and West. http://www.everypoet.com/archive/poetry/Rudyard_Kipling/kipling_the_ballad_of_east_and_west.htm
13. Shakespeare, William. Hamlet. Act II. Scene 2. <http://www.on-line-literature.com/shakespeare/hamlet/8/>

«Талаба-Руйнівник» традиційно вважається одним з ключових творів у літературній спадщині Р. Сауті, хоча оцінка цієї поеми критиками в усі часи була далекою від позитивної. У результаті різнопланового вивчення, яке мало на меті якомога повніше розкрити літературну цінність даного твору, з'явилась ціла низка висновків, які не можуть бути охарактеризовані інакше, ніж як суб'єктивні, передчасні і абсолютно неприйнятні. Це стосується перш за все заяв про шовіністичні настрої з боку Р. Сауті по відношенню до народів Сходу, висновків про буцімто невірні інтерпретовані ним особливості іншої культури, про подібність «Талаби» Р. Сауті та «Ватека» У. Бекфорда і т. п. У статті пропонується з іншої точки зору поглянути на даний твір Р. Сауті, знаходячі ті риси, котрі спроможні спростувати чисельні, сформовані раніше, уявлення про поему.

Ключові слова: Талаба, Р. Сауті, Схід, казки, Європейська культура, шовінізм.

Аннотація

«Талаба-Разрушитель» традиционно считается одним из главных произведений в творчестве Р. Саути, хотя оценка этой поэмы критиками во все времена была далека от позитивной. В результате разнопланового изучения, призванного как можно полнее раскрыть литературную ценность данного произведения, появился целый ряд выводов, которые порой не могут быть охарактеризованы иначе, нежели как субъективные, преждевременные и даже абсолютно неприемлемые. Это касается прежде всего заявлений о шовинизме со стороны Р. Саути по отношению к народам Востока, выводов о неверно интерпретированных им особенностях другой культуры, о сходстве «Талабы» и «Ватека» У. Бекфорда и т. п. В статье предлагается по-новому взглянуть на данное произведение Р. Саути, выявляя те черты, которые способны опровергнуть многие, ранее сложившиеся о поэме, представления.

Ключевые слова: Талаба, Р. Саути, Восток, сказки, Европейская культура, шовинизм.

Summary

"Thalaba the Destroyer" has been traditionally regarded as one of R. Southey's major works, though its critical reception was far from benign. Close attention was given to quite a number of its aspects bringing out the most characteristic features of the poem. Nevertheless some conclusions concerning R. Southey's jingoism, his numerous drawbacks in depicting life of the East, literary likenesses of his poem, etc. definitely need to be revised as arbitrary, controversial and sometimes totally unacceptable. In comparison to the assertions like those mentioned above the article presents quite different line of reasoning concerning "Thalaba"'s literary value, R.

Southey's manner, his attitudes towards the East, and other topical problems concerning the poem.

Key words: Thalaba, R. Southey, the East, fairy-tales, European culture, jingoism.

Стаття рецензована і рекомендована до друку д.ф.н., проф. Л.Г.Фрізманом